

Джеймс Джойс
Облачко

Серия «Дублинцы», книга 8

Александр Продан alexpro@enteh.com
http://belolibrary.imwerden.de/

Джойс Д. Дублинцы: Известия; М.; 1982

Оригинал: James Joyce, "Dubliners/A Little Cloud"

Перевод:

М. Богословская-Боброва

Содержание

*

4

Джеймс Джойс

Облачко

*

Восемь лет прошло с тех пор, как он провожал своего друга на пристани Норт-Уолл и желал ему счастливого пути. Галлахер пошел в гору. Это сразу было видно по его повадкам завязанного путешественника, по твидовому костюму хорошего покроя и развязному тону. Немного на свете таких талантливых людей, а еще меньше – не испорченных успехом. У Галлахера золотое сердце, и он заслуживал успеха. Не шутка – иметь такого друга, как он.

С самого завтрака мысли Крошки Чендлера вертелись вокруг его встречи с Галлахером, приглашения Галлахера и столичной жизни, которой жил Галлахер. Его прозвали Крошка Чендлер потому, что он казался маленьким, хотя на самом деле был только немного ниже среднего роста. Руки у него были маленькие и белые, телосложение – хрупкое, голос – тихий, манеры – изысканные. Он очень заботился о своих светлых шелковистых волосах и усиках, и от его носового платка шел еле слышный запах духов. Лунки ногтей были

безупречной формы, и, когда он улыбался, виден был ряд белых, как у ребенка, зубов.

Сидя за своей конторкой в Кингз-Иннз¹, он думал о том, какие перемены произошли за эти восемь лет. Друг, который был вечно обтрепан и без копейки денег, превратился в блестящего лондонского журналиста. Он то и дело отрывался от скучных бумаг и устремлял взгляд в открытое окно. Багрянец осеннего заката лежал на аллеях и газоне. Он милостиво осыпал золотой пылью неопрятных нянек и ветхих стариков, дремлющих на скамейках; он играл на всем, что двигалось, – на детях, с визгом бегавших по усыпанным гравием дорожкам, и на прохожих, пересекавших парк. Крошка Чендлер смотрел на эту картину и размышлял о жизни; и (как всегда, когда он размышлял о жизни) ему стало грустно. Им овладела тихая меланхолия. Он ощутил, как бесполезно бороться с судьбой, – таково было бремя мудрости, завещанное ему веками.

Он вспомнил томики стихов, стоявшие дома на полках. Он купил их еще в холостые годы, и часто по вечерам, сидя в маленькой комнате возле прихожей, он испытывал желание достать с полки один из томиков и почитать вслух своей жене. Но каждый раз робость удерживала его; и книги так и оставались на своих полках. Иногда он повторял про себя стихи, и это утешало

¹ Кингз-Иннз – ирландский эквивалент Судебных иннов в Лондоне, то есть корпорации, готовящей опытных адвокатов.

его.

Когда рабочий день кончился, он аккуратно встал из-за своей конторки и по очереди попрощался со всеми. Он вышел из-под средневековой арки палаты в Кингз-Иннз – аккуратная, скромная фигурка – и быстро зашагал по Хенриетта-Стрит. Золотистый закат догорал, и становилось прохладно. Улица была полна грязными детьми. Они стояли или бегали на мостовой, ползали по ступенькам перед распахнутыми дверьми, сидели на порогах, притаившись как мыши. Крошка Чендлер не замечал их. Он ловко прокладывал себе путь сквозь эту суестьющуюся жизнь под сенью сухопарых призрачных дворцов, где в старину пиновала дублинская знать. Но картины прошлого не волновали его, он предвкушал радость встречи.

Он никогда не бывал у «Корлесса»², но хорошо знал, что это – марка. Он знал, что туда приезжают после театра есть устрицы и пить ликеры; и он слышал, что официанты там говорят по-французски и по-немецки. Когда вечерами он торопливо проходил мимо, он видел, как к подъезду подкатывали кебы и нарядные дамы в сопровождении своих кавалеров выходили из них и быстро исчезали за дверью. На них были шуршащие платья и много накидок. Лица их были напудрены, и, сходя с подножки, они подбирали юбки, словно испу-

² Дорогой ресторан.

ганные Аталанты³. Проходя мимо, он не поворачивал головы, чтобы взглянуть на них. У него была привычка даже днем быстро ходить по улицам, а когда ему случалось поздно вечером быть в центре города, он почти бежал, испытывая одновременно и страх, и возбуждение. Впрочем, иногда он сам искал повода для страха. Он выбирал самые темные и узкие улицы и смело шагал вперед, и тишина, расстилавшаяся вокруг его шагов, пугала его; и временами от приглушенного и мимолетного взрыва смеха он весь трепетал, как лист.

Он свернул направо, на Кэйпел-Стрит. Игнатий Галлахер – лондонский журналист! Кто бы мог такое подумать восемь лет назад? Однако, оглядываясь на прошлое, Крошка Чендлер открывал в своем друге много признаков будущего величия. Галлахера обычно называли шалопаем. И верно, в то время он путался с самым отребьем, много пил и занимал деньги направо и налево. В конце концов он влип в грязную историю – какая-то афера; по крайней мере, такова была одна из версий его бегства. Но никто не мог отказать ему в таланте. В Игнatii Галлахере всегда было нечто... нечто внушающее людям уважение, даже против их воли. Даже когда он ходил с драными локтями и без гроша в кармане, он не терял бодрости. Крошка Чендлер вспомнил (и при этом воспоминании легкая краска гор-

³ Мифологическая греческая принцесса, знаменитая своей красотой и быстроногостью.

дости выступила на его щеках), как Игнатий Галлахер говаривал, когда ему приходилось туго.

– Одна минута перерыва, ребята, – говорил он бес-
печно. – Дайте мне пораскинуть мозгами!

В этом был весь Игнатий Галлахер; и, черт возьми, нельзя было не восхищаться им.

Крошка Чендлер ускорил шаг. Первый раз в жизни он чувствовал себя выше людей, мимо которых про-
ходил. Первый раз в жизни его душа восстала против тусклого убожества Кэйпел-Стрит. Не подлежит сомне-
нию: чтобы добиться успеха, нужно уехать отсюда. В Дублине ничего нельзя сделать. Переходя Грэттенский мост, он с жалостью смотрел на захиревшие дома на дальних набережных реки. Они казались ему шайкой бродяг, обтрепанных, покрытых пылью и сажей, жму-
щихся друг к другу на берегу; замороженные панора-
мой заката, они ждут первого холодка ночи, который велит им встать, встряхнуться и уйти. Он подумал о том, не удастся ли ему выразить эту мысль стихами. Может быть, Галлахер сможет поместить их в одной из лондонских газет. Сумеет он написать что-нибудь оригинальное? Он не вполне представлял себе, какую мысль ему хочется выразить, но сознание, что поэ-
тическое вдохновение коснулось его, зародило в нем младенческую надежду. Он бодро зашагал вперед.

С каждым шагом он приближался к Лондону, удалял-
ся от скучной, прозаической жизни. Перед ним забрез-

жил свет. Он еще не стар – тридцать два года. Можно сказать, что его поэтический дар именно сейчас достиг зрелости. Столько чувств и дум ему хотелось выразить в стихах! Он носил их в себе. Он старался погрузиться в свою душу, чтобы узнать, подлинно ли у него душа поэта. Он считал главной чертой своего таланта меланхолию, но меланхолию, смягченную порывами веры, покорностью судьбе и невинной радостью. Если бы он сумел выразить себя в книжке стихов, может быть, к его голосу прислушались бы. Он никогда не станет популярным; это он понимал. Он не сумеет покорить толпу, но, может быть, его оценит избранный круг родственных душ. Английские критики из-за меланхолического тона его стихов, вероятно, отнесут его к поэтам кельтской школы. Кроме того, он сам будет намекать на это. Он начал придумывать фразы из будущей рецензии на его книгу. *«Мистер Чендлер обладает даром легкого и изящного стиха»*... *«Его стихи проникнуты задумчивой грустью»*... *«Кельтские нотки»*... Жаль, что у него такая неирландская фамилия. Может быть, после имени поставить фамилию матери? Томас Мэлони Чендлер; или лучше: Т. Мэлони Чендлер. Он поговорит об этом с Галлахером.

Он так увлекся этими мечтами, что прошел свою улицу и пришлось возвращаться обратно. Когда он подошел к «Корлессу», волнение с прежней силой овладело им и он в нерешительности остановился у подъез-

да. Наконец, он открыл дверь и вошел.

Свет и шум ресторана на минуту остановили его в дверях. Он посмотрел вокруг, но в глазах у него рябило от блеска красных и зеленых бокалов. Ему показалось, что ресторан переполнен и все смотрят на него с любопытством. Он быстро взглянул направо и налево (слегка хмурясь, словно пришел по важному делу), но когда немного освоился, увидел, что никто даже не обернулся; а вон там, прислонившись к стойке и широко расставив колени, сидел и сам Игнатий Галлахер.

– Хэлло, Томми, старый вояка, присаживайся! Что будем пить? Чего твоя душа просит? Я пью виски: такого и в Лондоне не достанешь. С содовой? Или с сельтерской? Не любишь минеральную? Я тоже. Портит букет... Пожалуйста, гарсон, будьте добры, принесите виски, две маленькие. Ну, как ты преуспевал все это время, с тех пор как мы не виделись? Боже милостивый, как мы стареем! Очень заметно, что я уже старик, а? Побелело и поредело на макушке – а?

Игнатий Галлахер снял шляпу и показал большую, коротко стриженную голову. Лицо у него было массивное, бледное и гладко выбритое. Аспидно-синие глаза, подчеркивая нездоровую бледность, ярко поблескивали над оранжевым галстуком. Между этими двумя контрастирующими пятнами губы казались очень длинными, бесформенными и бесцветными. Он наклонил голову и двумя пальцами жалостливо потрогал редую

щие волосы. Крошка Чендлер протестующе покачал головой. Игнатий Галлахер снова надел шляпу.

– Измотаешься, – сказал он. – Что такое жизнь журналиста? Вечная спешка и гонка, вечно ищи материал, а иногда так и не найдешь; а потом вечная погоня за чем-нибудь новеньким. Ну я и решил на несколько дней послать гранки и наборщиков к черту. А уж до чего же я рад, что попал на родное пепелище! Надо же когда-нибудь и отдохнуть. Я как-то сразу ожил, как только очутился в милом грязном Дублине... Ну вот, Томми, пей. Воды? Скажи, когда довольно.

Крошка Чендлер дал сильно разбавить свой виски.

– Пользы ты своей, юноша, не знаешь, – сказал Игнатий Галлахер. – Я чистый пью.

– Я обычно пью очень мало, – скромно сказал Крошка Чендлер. – Изредка маленькую или две, когда встретишься с кем-нибудь из старой компании; вот и все.

– Ну, – весело сказал Игнатий Галлахер, – выпьем за нас, за старые времена и за старую дружбу.

Они чокнулись и выпили.

– Я сегодня видел кое-кого из старой шати, – сказал Игнатий Галлахер. – О'Хара что-то мне не понравился. Что он делает?

– Ничего, – сказал Крошка Чендлер. – Он совсем опустился.

– Хогэн как будто хорошо пристроился?

– Да, он служит в Земельном комитете⁴.

– Я как-то встретил его в Лондоне, он, по-видимому, процветает... Бедный О'Хара! Спился, вероятно?

– Не только, – сухо сказал Крошка Чендлер.

Игнатий Галлахер засмеялся.

– Томми, – сказал он, – ты ни на йоту не изменился. Ты все тот же серьезный юноша, который, бывало, читал мне нотации каждое воскресное утро, пока я валялся с головной болью и обложенным языком. Тебе бы надо немного пошататься по свету. Неужели ты ни разу никуда не ездил?

– Я был на острове Мэн, – сказал Крошка Чендлер.

Игнатий Галлахер засмеялся.

– Остров Мэн! – сказал он. – Поезжай в Лондон или в Париж, лучше в Париж. Это пойдет тебе на пользу.

– Ты был в Париже?

– Еще бы! Я там повеселился на славу.

– А Париж правда такой красивый, как говорят? – спросил Крошка Чендлер.

Он отпил из своего стакана, а Игнатий Галлахер залпом осушил свой до дна.

– Красивый? – сказал Игнатий Галлахер медленно,

⁴ Организация, возникшая в связи с деятельностью Ирландской Земельной лиги, целью которой была ликвидация лендлордизма, возвращение земли ирландскому крестьянству и борьба за гомруль. Однако в комитете процветало взяточничество, поэтому место там считалось весьма доходным.

смакуя букет своего виски. – Не такой уж он красивый, понимаешь. Нет, конечно, красивый. Но главное – это тамошняя жизнь, вот что. Нет города, равного Парижу по веселью, шуму, развлечениям...

Крошка Чендлер допил свой стакан и не без труда поймал взгляд бармена. Он заказал еще виски.

– Я был в Мулен-Руж, – продолжал Игнатий Галлахер, когда бармен убрал стаканы, – и я побывал во всех кафе Латинского квартала. Ну уж, доложу я тебе! Не для таких божьих коровок, как ты.

Крошка Чендлер молчал; бармен скоро вернулся с двумя стаканами; тогда он дотронулся своим стаканом до стакана своего друга и повторил его тост. Он начал испытывать легкое разочарование. Тон Галлахера и его манера выражаться не нравились ему. Было что-то вульгарное в его друге, чего он раньше не замечал. Но возможно, что это просто оттого, что он живет в Лондоне, среди газетной толчеи и грызни. Прежнее обаяние чувствовалось под новой, развязной манерой держаться. И как-никак Галлахер пожил, он повидал свет. Крошка Чендлер с завистью посмотрел на своего друга.

– В Париже всем весело, – сказал Игнатий Галлахер. – Там умеют наслаждаться жизнью, и что же, скажешь, это нехорошо? Если хочешь пожить по-настоящему, надо ехать в Париж. И знаешь, парижане прекрасно относятся к ирландцам. Когда они узнали, что я

ирландец, они меня чуть не задушили, да, да.

Крошка Чендлер вновь отпил из своего стакана.

– Скажи-ка, – начал он, – Париж в самом деле такой безнравственный город, как о нем говорят?

Игнатий Галлахер величественно поднял правую руку.

– Все города безнравственны, – сказал он. – Конечно, в Париже можно увидеть довольно пикантные вещи. Вот, например, на студенческих танцуйках. Есть на что посмотреть, когда курочки разойдутся. Ты, надеюсь, понимаешь, о ком я говорю?

– Я слышал о них, – сказал Крошка Чендлер.

Игнатий Галлахер допил свой виски и покачал головой.

– Да, – сказал он, – что ни говори, а нет другой такой женщины, как парижанка, – по остроумию, по шику.

– Значит, это безнравственный город, – сказал Крошка Чендлер с робкой настойчивостью, – я хочу сказать, по сравнению с Лондоном или с Дублином.

– Лондон! – сказал Игнатий Галлахер. – Никакого сравнения. Спроси Хогэна, дорогой мой. Я немножко просветил его по части Лондона, когда он приезжал. Он открыл бы тебе глаза... Послушай, Томми, что ты все прихлебываешь, это тебе не пунш, пей сразу.

– Нет, право...

– Да брось, ничего с тобой не сделается. Что закажем? Опять того же?

– Ну... давай.

– Francois, еще по стаканчику... Закурим, Томми. – Игнатий Галлахер вытащил портсигар. Оба друга закурили и молча пыхтели сигарами, пока им не подали виски.

– Я скажу тебе свое мнение, – сказал Игнатий Галлахер, вынырнув, наконец, из облака дыма, за которым он скрывался, – мы живем в странном мире. Где уж тут нравственность. Я слыхал о таких случаях, да что я говорю – слыхал, я знаю о таких... случаях...

Игнатий Галлахер задумчиво попыхтел сигарой и затем ровным эпическим тоном принялся набрасывать перед своим другом картины разврата, царящего за границей. Он перечислил пороки нескольких столиц и, по-видимому, склонялся к тому, чтобы присудить пальму первенства Берлину. Были вещи, за которые он не мог поручиться (он только слыхал о них), но многое он знал по собственному опыту. Он не пощадил ни чина, ни звания. Он разоблачил тайны европейских монастырей, описал нравы, бытующие в высшем обществе, и закончил тем, что рассказал со всеми подробностями скандальную историю про одну английскую герцогиню, причем подтвердил, что история эта достоверна. Крошка Чендлер был очень удивлен.

– Да, – сказал Игнатий Галлахер, – здесь, в нашем старом, захолустном Дублине, про такие вещи и не слыхивали.

– Тебе, должно быть, показалось очень скучно у нас, – сказал Крошка Чендлер, – после всего того, что ты видел!

– Знаешь, – сказал Игнатий Галлахер, – для меня это отдых – побывать здесь. Ну, а потом, ведь это же родное гнездо, как говорится. Что бы там ни было, а нельзя не любить его. Такова человеческая природа... Но расскажи мне о себе. Хогэн сказал мне, что ты... познал радости Гименея. Уже два года, кажется?

Крошка Чендлер покраснел и улыбнулся.

– Да, – сказал он. – В мае был год, как я женился.

– Позволь мне от души поздравить тебя, – сказал Игнатий Галлахер. – Лучше поздно, чем никогда. Я не знал твоего адреса, а то бы я сделал это вовремя.

Он протянул руку, и Крошка Чендлер пожал ее.

– Желаю тебе, – сказал Галлахер, – и твоему семейству всяческих благ, и кучу денег, и чтобы ты жил до тех пор, пока я сам не застрелю тебя. И это, милый мой Томми, желает тебе искренний друг твой, старый друг. Ты это знаешь?

– Знаю, – сказал Крошка Чендлер.

– И детишки есть? – сказал Игнатий Галлахер.

Крошка Чендлер опять покраснел.

– У нас один ребенок, – сказал он.

– Сын или дочь?

– Мальчик.

Игнатий Галлахер звонко хлопнул своего друга по

спине.

– Молодец, – сказал он, – да я и не сомневался в тебе, Томми.

Крошка Чендлер улыбнулся и смущенно посмотрел в свой стакан, закусив нижнюю губу тремя по-детски белыми зубами.

– Надеюсь, ты зайдешь к нам вечерком, до отъезда. Жена будет тебе очень рада. Можно помузицировать... и...

– Большое спасибо, милый, – сказал Игнатий Галлахер. – Очень жаль, что мы не встретились раньше. Но я завтра вечером должен ехать.

– Может быть, сегодня...

– Мне очень жаль, дорогой. Видишь, я здесь не один, со мной приехал приятель, очень интересный молодой человек, так вот мы сговорились пойти в картишки поиграть. А то бы...

– Ну конечно, я понимаю...

– А кто знает? – раздумчиво сказал Игнатий Галлахер. – Теперь, когда лед сломан, может быть, я в будущем году опять прикачу к вам. Отсрочка не испортит удовольствия.

– Отлично, – сказал Крошка Чендлер, – в твой следующий приезд ты придешь к нам на весь вечер. Непременно, да?

– Непременно, – сказал Игнатий Галлахер, – если

только я приеду в будущем году, то parole d'honneur!⁵

– А чтобы скрепить наш договор, – сказал Крошка Чендлер, – выпьем еще по одной.

Игнатий Галлахер вытащил большие золотые часы и посмотрел на стрелки.

– Если только последнюю, – сказал он. – Потому что, видишь ли, меня ждут.

– И в самом деле, последнюю, – сказал Крошка Чендлер.

– Ну, хорошо, – сказал Игнатий Галлахер, – в таком случае выпьем еще по одной deos an doruis⁶ – так, кажется, в народе говорят?

Крошка Чендлер заказал виски. Краска, несколько минут назад выступившая на его щеках, теперь заливала все лицо. Он всегда легко краснел; а сейчас он разогрелся и был слегка возбужден. Три стакана виски ударили ему в голову, а крепкая сигара Галлахера отуманила мозг, так как он был хрупкого здоровья и всегда очень воздержан. Встретиться с Галлахером после восьмилетней разлуки, сидеть с Галлахером у «Корлесса», в ярком свете и шуме, слушать рассказы Галлахера, участвовать, хоть недолго, в кочевой и блистательной жизни Галлахера было для него приключением, нарушившим равновесие его чувствительной на-

⁵ Честное слово (франц.).

⁶ На посошок (ирл.).

туры. Он остро ощущал контраст между жизнью друга и своей собственной и находил, что это несправедливо: Галлахер стоял ниже его по рождению и воспитанию. Он был уверен, что мог бы делать кое-что получше, чего его другу никогда не сделать, что-нибудь более высокое, чем вульгарная журналистика, если бы только подвернулся случай. Что преграждало ему путь? Его злосчастная робость? Ему хотелось как-нибудь отомстить за себя, поддержать свое мужское достоинство. Он по-своему толковал отказ, которым Галлахер ответил на его приглашение. Галлахер просто удостаивал его своей дружбой, как он удостоил Ирландию своим посещением.

Бармен принес виски. Крошка Чендлер подвинул один стакан своему другу и бойко поднял другой.

– Кто знает? – сказал он после того, как они чокнулись. – В будущем году, когда ты приедешь, может быть, я буду иметь удовольствие пожелать счастья мистеру и миссис Галлахер.

Игнатий Галлахер, глотая виски, выразительно прищурил один глаз над краем стакана. Когда он кончил пить, он решительно причмокнул, поставил стакан на стол и сказал:

– И не воображай, дорогой мой! Сначала я перебежусь и поживу в свое удовольствие, а уж потом полезу в ярмо, если я вообще это сделаю.

– Когда-нибудь сделаешь, – спокойно сказал Крошка

Чендлер.

Оранжевый галстук и аспидно-синие глаза Игнатия Галлахера повернулись к его другу.

– Ты так думаешь? – сказал он.

– Ты полезешь в ярмо, – уверенно повторил Крошка Чендлер, – как все, если только сумеешь найти подходящую девушку.

Он сказал это слегка вызывающим тоном и почувствовал, что выдал себя; но, хотя румянец сгустился на его щеках, он выдержал пристальный взгляд друга. Игнатий Галлахер с минуту смотрел ему в лицо и затем сказал:

– Если это когда-нибудь случится, можешь поставить свой последний шиллинг, дело обойдется без сантиментов. Я женюсь только на деньгах. Или у нее будет кругленький текущий счет в банке, или – слуга покорный.

Крошка Чендлер покачал головой.

– Ты что, человеке, думаешь? – с горячностью сказал Игнатий Галлахер. – Стоит мне только слово сказать, и завтра же у меня будут и баба и деньги. Не веришь? Но я-то знаю, что это так. Есть сотни – что я говорю, – тысячи богатых евреек и немок, просто лопаются от денег, которым только мигнуть... Подожди, дружок. Увидишь, как я это дело обломаю. Уж если я за что возьмусь – ошибки не будет, не сомневайся. Подожди – увидишь.

Он порывисто поднес стакан ко рту, допил виски и громко рассмеялся. Потом он задумчиво устремил взгляд в пространство и сказал более спокойным тоном:

– Но я не спешу. Пусть они подождут. И я не собираюсь связывать себя с одной женщиной.

Он сделал движение губами, словно пробуя что-то, и скорчил гримасу.

– Вот надоест, тогда, – сказал он.

Крошка Чендлер сидел с ребенком на руках в комнате возле прихожей. Ради экономии они не держали прислуги, и Моника, младшая сестра Энни, приходила на часок по утрам и на часок по вечерам помочь по хозяйству. Но Моника давно ушла домой. Было без четверти девять. Крошка Чендлер опоздал к чаю и, кроме того, забыл принести Энни кофе от Бьюли⁷. Разумеется, она надулась и почти не разговаривала с ним. Она сказала, что обойдется без чая, но как только подошло время, когда лавка на углу закрывалась, она решила отправиться сама за четвертушкой чая и двумя фунтами сахара. Она ловко положила ему на руки спящего ребенка и сказала:

⁷ Магазины в Дублине.

– Держи. Только не разбуди его.

На столе горела маленькая лампа с белым фарфоровым абажуром, и свет падал на фотографическую карточку в роговой рамке. Это была фотография Энни. Крошка Чендлер посмотрел на нее, остановив взгляд на тонких сжатых губах. На ней была бледно-голубая блузка, которую он принес ей в подарок как-то в субботу вечером. Она стоила десять шиллингов и одиннадцать пенсов; но сколько мучительного волнения она ему стоила! Как он терзался, когда ждал у дверей магазина, чтобы магазин опустел, когда стоял у прилавка, стараясь казаться непринужденным, а продавщица раскладывала перед ним дамские блузки, когда платил в кассу и забыл взять сдачу, когда кассир позвал его обратно и, наконец, когда, выходя из магазина, проверил, крепко ли завязан сверток, чтобы скрыть покрасневшее лицо! Вернувшись домой, он отдал блузку Энни, и та поцеловала его и сказала, что блузка очень славная и элегантная, но, услышав цену, бросила блузку на стол и сказала, что брать за это десять шиллингов и одиннадцать пенсов – чистый грабеж. Сначала она хотела нести ее обратно, но, когда померила, пришла в восторг, особенно от покроя рукава, поцеловала его и сказала, какой он милый, что подумал о ней.

– Гм!..

Он холодно смотрел в глаза фотографии, и они холодно отвечали на его взгляд. Несомненно, они были

красивы, и само лицо тоже было красивое. Но в нем было что-то пошлое. Почему оно такое неодоухотворенное и жеманное? Невозмутимость взгляда раздражала его. Глаза отталкивали его и бросали вызов: в них не было ни страсти, ни порыва. Он вспомнил, что говорил Галлахер о богатых еврейках. Темные восточные глаза, думал он, сколько в них страсти, чувственного томления... Почему он связал свою судьбу с глазами на этой фотографии?

Он поймал себя на этой мысли и испуганно оглядел комнату. Красивая мебель, которую он купил в распродажу, когда обставлял свою квартиру, тоже показалась ему довольно пошлой. Энни сама ее выбирала, и она напомнила ему жену. Мебель тоже была красивая и чопорная. Тупая обида на свою жизнь проснулась в нем. Неужели он не сможет вырваться из этой тесной квартирki? Разве поздно начать новую жизнь, смелую, какой живет Галлахер? Неужели он не сможет уехать в Лондон? За мебель все еще не выплачено. Если бы он мог написать книгу и напечатать ее, перед ним открылись бы иные возможности.

Томик стихов Байрона лежал на столе. Он осторожно, чтобы не разбудить ребенка, открыл книгу левой рукой и начал читать первую строфу:

Стих ветерок... не тронет тишь ночную;
Зефир в лесах не шевелит листья,

Я на могилу вновь иду родную,
Я Маргарите вновь несущу цветы.

Он остановился. Он ощутил, что весь воздух в комнате наполнен стихами. Сколько меланхолии в них! Сможет ли он тоже так писать, выразить в стихах меланхолию своей души? Многое ему хотелось описать: вот хотя бы свое ощущение сегодня днем на Грэттенском мосту. Если бы он мог вернуть то настроение...

Ребенок проснулся и заплакал. Он оторвался от книги и начал успокаивать его; но ребенок не замолкал. Крошка Чендлер принялся качать его, но плач ребенка стал еще пронзительней. Он качал его все сильнее, между тем как глаза его читали вторую строфу:

Там прах ее печальный холодеет,
А жизнь давно ль...⁸

Все напрасно. Читать нельзя. Ничего нельзя. Плач ребенка сверлил ему уши. Все напрасно! Он пленник на всю жизнь. Руки его дрожали от злости, и, внезапно наклонившись над личиком ребенка, он закричал:

– Замолчи!

Ребенок на секунду смолк, оцепенев от испуга, и снова заплакал. Крошка Чендлер вскочил со стула и с ре-

⁸ Строчки из юношеского стихотворения Байрона «На смерть молодой леди, кузины автора, очень дорогой ему» (1802). Перевод С. Ильина.

бенком на руках стал быстро ходить взад и вперед по комнате. Ребенок захлебывался от безудержного плача, он на секунду замолкал, а потом с новой силой начинал кричать. Тонкие стены сотрясались от крика ребенка. Он пытался унять его, но плач ребенка становился все судорожнее. Он посмотрел на искаженное и дрожащее личико и встревожился. Ребенок закатился семь раз подряд, и Крошка Чендлер в испуге прижал его к груди. А вдруг он умрет!..

Дверь с шумом распахнулась, и молодая женщина, запыхавшись, вбежала в комнату.

– Что такое? Что такое? – закричала она.

Ребенок, услышав голос матери, испустил истерический вопль.

– Ничего, ничего, Энни... ничего... он заплакал...

Она бросила покупки на пол и выхватила у него ребенка.

– Что ты ему сделал? – крикнула она, впиваясь в него глазами.

Крошка Чендлер с секунду выдержал ее взгляд, и сердце его сжалось, когда он прочел в нем ненависть. Он начал, заикаясь:

– Да ничего... Он... заплакал... Я не мог... Я ничего ему не сделал... Что?

Не обращая на него внимания, она начала ходить взад и вперед по комнате, крепко прижимая к себе ребенка и тихо приговаривая:

– Маленький мой! Родной! Испугали тебя, солнышко?.. Ну, ну, деточка! Ну, ну... золотко. Мамино золотко любимое! Ну, ну...

Крошка Чендлер почувствовал, что краска стыда заливает его щеки, и ушел подальше от света лампы. Он стоял и слушал, между тем как плач ребенка становился все тише и тише; и слезы раскаяния выступили на его глазах.